

Тёмная лошадка ВЫХОДИТ НА СВЕТ

интервью вместо послесловия

47

Андрей Казанский. Алла, поздравляю с первой публикацией!

Алла Глебова. Спасибо.

А.К. И какие ощущения?

А.Г. Ощущения, скажу тебе, просто фантастические!

А.К. Ты настоящая тёмная лошадка. Никто знать не знал прозаика Аллу Глебову... И вот – на тебе! Как гриб среди Красной площади – новый романист. Вообще-то в миру чем занимаешься? Кто ты по образованию, воспитанию и вообще?

А.Г. Образования у меня два: окончила филологический факультет педуниверситета и юридический факультет Института экономики, управления и права. Оба с отличием. Учителем я некоторое время поработала, в юриспруденцию судьба меня так и не привела. Сейчас понимаю – к счастью! Десять лет назад пришла в журналистику, причём как-то случайно, можно сказать, играючи, да так там и осталась. Член Союза журналистов... Работала в пресс-службе, была корреспондентом и редактором в разных изданиях. Например, в журнале «Татарстан», в газете «Известия Татарстана». Только подписывалась по-разному – «Альбиной Нурисламовой», «Аллой Глебовой», «Алексеем Платниковым»... Работать тогда приходилось чуть ли не по двадцать четыре часа в сутки. Да и, если уж говорить откровенно, не умею делать ничего поверхностно, болею за дело, которым занимаюсь и стараюсь выкладываться по полной. Чтобы не пришлось краснеть... перед собой в первую очередь. Так что, всю сознательную жизнь человек я пишу-щий. Правда, привыкла находиться по другую сторону диктофона и сама задавать вопросы.

А.К. Сейчас интерес к журналистике поубавился?

А.Г. Наверное, у каждой профессии свой потолок. Или, точнее, предел устремлений. Достигаешь того, к чему стремился, и появляется некая усталость, теряется интерес. Не зря, наверное, говорят, что каждые десять лет нужно менять вид или сферу деятельности. По моим собственным меркам, я вполне состоялась как журналист и намерена двигаться дальше.

А.К. Дальше – это значит писать прозу?

А.Г. Ну, вообще-то, рассказы я и раньше писала. В стол. А сейчас вот осела дома в отпуске по уходу за ребёнком, и закончилась эта вечная гонка со сдачей номеров, редактированием чужих текстов, написанием статей «срочно в номер»... И все задумки, которые копились в голове, стали выливаться на бумагу. Но прежде чем стать писателем, нужно, я думаю, быть читателем. И как научилась читать в пять лет, как стала глотать книги, что называется, запоем, так и не могу остановиться до сих пор. Мои родители (отец инженером и орнитологом был, мама – библиотекарем) собрали дома прекрасную библиотеку. Книги стояли на полках сверху донизу в два ряда и занимали три больших шкафа. Я воспитывалась на хо-

рошей литературе. Из особых предпочтений – Гоголь, Чехов, Ремарк, Мозм, Блок, Цветаева, Зощенко, Есенин, Маркес. Современную, так называемую массовую литературу, тоже читаю – там попадаются весьма качественные вещи. Например, у Стивена Кинга, Роберта Маккаммона, Питера Джеймса, Натальи Нестеровой, Александры Марининой, Бориса Акунина. Я согласна с мнением, что не бывает высоких и низких жанров, бывают хорошие и плохие книги. Яркий пример – «Унесённые ветром». Что это – увлекательное «чтиво про любовь», каким-то чудом написанное скромной домохозяйкой, или исторический роман-эпопея с прекрасно выписанными героями и грамотно выстроенным захватывающим сюжетом?

А.К. Объясни мне, как можно наработать столько материала – романы, повести, рассказы – и нигде не засветиться?! Обычно начинающие авторы настрочат пару рассказов и сразу запускают их веером в десяток изданий.

А.Г. Естественно, подобно любому нормальному автору, я тоже мечтала увидеть свои работы опубликованными, но не хватало смелости. Нужно ли это кому-нибудь, кроме меня? Интересно ли? Наверное, так и мучилась бы сомнениями, если б не рискнула дать почитать пару глав из романа Рустему Шакирову. Одно время мы работали вместе в журнале «Татарстан» (он и сейчас там) и сохранили дружеские отношения. Рустем заинтересовался моим текстом и показал его Ахату Мушинскому, который, оказывается, днём с огнём высматривает среди пишущей братии интересных поэтов и прозаиков. Вот главы из «Потерянных» чудесным образом и оказались в альманахе. Напрасно говорят, что «Поле чудес» бывает только в сказках и телевизоре.

А.К. Если честно, я диву даюсь, каким образом ты умудряешься заниматься литературным творчеством, когда у тебя семейно-бытовых забот выше головы – муж, маленькие дети... У тебя же их двое?

А.Г. Да, мальчик и... мальчик, как сказал Новосельцев из «Служебного романа». Но, между прочим, я считаю, что вот в этих-то заботах, по большому счёту, и кроется смысл жизни. Семью, близких людей не сможет заменить ни карьера, ни какой бы то ни было профессиональный успех. Просто каждый начинает понимать это в разные периоды жизни. И иногда слишком поздно. Многие успешные, известные люди, не имевшие семьи и детей, пожертвовавшие личной жизнью ради карьеры, с годами всё с большим сожалением говорят об этих невосполнимых утратах.

А.К. И всё-таки женщине совмещать семью с карьерой непросто. А уж с писательством...

А.Г. Конечно, вам, мужчинам, куда проще: бытовуха творить не мешает. Скучную рутину принимает на свои хрупкие плечи подруга гения. А нам, женщинам, если мы не рублёвские жёны, конечно, приходится писать как бы между делом, в свободное от работы, дома, семьи время. Я, например, обдумываю сюжетные перипетии, пока еду по делам, готовлю, глажу, гуляю с ребёнком, делаю уборку. Вот такая проза жизни. А потом, когда выдаётся свободная минутка, отчаянная домохозяйка бросается к компьютеру и записывает. Бывает, что время удаётся найти только ночью. Хорошо, что я не соня: если надо, могу всего три-пять часов в сутки спать и ничего, мне хватает.

А.К. Всё-таки писательский труд требует уединения...

А.Г. Что поделаешь, с уединением у меня туго. Но моя муза – дама закалённая, ко всему привычная, поблажки получает редко. Ей приходится навещать меня в военно-полевых условиях. Других создать ей не могу. А если серьёзно, то, когда «поймаю волну», просто отключаюсь от внешнего мира, мне уж не важно: чьи-то разговоры, телевизор, непоседливые дети... Редакторская работа в еженедельной газете закалила: пишешь статью, вносишь правки в материалы журналистов, согласовываешь тексты, а кругом гомон, разговоры, телефоны трещат...

А.К. Отношение мужа к твоему увлечению литературой? Не ревнует к писательству?

А.Г. Нет, воспринимает как должное. Смирился. Привык. У кого-то жена бухгалтер, у кого-то – продавец, а моему вот такая досталась, что подделаешь. Похоже, это судьба: у него даже день рождения 19 мая, в День татарстанской печати. Муж меня в отрыве от компьютера и не представляет себе, должно быть. Я же всю жизнь что-то писала, будь то статья, рассказ или теперь вот роман.

А.К. Кому в первую очередь даёшь прочитать написанное?

А.Г. Были бы живы родители, показывала бы сначала им. Мне очень повезло: мама и папа всегда поддерживали меня и были не просто родными людьми, но и настоящими друзьями. Но сейчас их уже нет рядом со мной... То, что пишу, показываю в первую очередь своей тёте и ближайшей подруге. Это мои строгие критики – начитанные, умные, внимательные, объективные. Я им полностью доверяю и точно знаю: если что не так, скажут обязательно. Врать, щадя мои чувства, не станут. Кстати, из-за моего первого романа мы с подругой впервые в жизни чуть не поссорились.

А.К. Это каким же образом?

А.Г. Как только я закончила последнюю главу и внесла некоторые правки, отслала ей по электронной почте. Так она в этот же день звонит мне на мобильный в три часа ночи! Я перепугалась, подумала, случилось что-то. А она кричит на меня, говорит, как жить-то дальше? А вдруг всё то, о чём ты написала, может на самом деле случится с кем-то из нас?! И под конец своих причитаний заявила: «А за Пашу ты у меня ответишь!» Паша – это герой из ряда настоящих мужчин, который пытался спасти главную героиню романа «Наследница», попавшую в бесовский круг. И которого я безжалостно «убила».

А.К. Откуда такое буйство сюжетов? Ведь и вправду, дух захватывает от неожиданных поворотов и ситуаций! Из жизни черпаешь или беспардонно фантазируешь?

А.Г. И то, и другое. И потом, не забывай: я много лет работала пишущим журналистом. А это значит: бесконечные встречи, новые знакомства, интересные типажи... Приходилось встречать и Каупервудов, и Онегиных, и Башмачкиных, и Плюшкиных... Да и сама жизнь – это один бесконечный роман. Успевай только наблюдать и переносить на бумагу! У меня есть особая тетрадка, куда я записываю любопытные, услышанные где-то истории, портреты различных людей, удачные, на мой взгляд, фразы, пришедшие на ум фантазии и даже сны. Потом многое из этого перерабатываю и использую. А ещё у меня всегда сильное воображение. Когда мне было года три, я выдумала себе друга – Волка. Родители были в шоке: я с ним разговаривала, кормила, ухаживала за ним. Однажды в ужасе закричала маме, которая присела рядом со мной на диван: «Осторожно, ты что, не видишь – здесь же мой Волк сидит!» Мама спросила: а ты, мол, что же – видишь его?! Получив утвердительный ответ, перепугалась окончательно, и они с папой решили, что пора показать ребёнка специалисту. Врач, дай бог ему здоровья, успокоил родителей. Сказал, что всё с девочкой в порядке, просто у неё чересчур развито воображение. Может быть, художником станет или музыкантом.

А.К. Или поэтом. Скажи, а стихи ты писала?

А.Г. В юности – а как же?! Но лет с двадцати – как отрезало. У меня со стихами связан неприятный случай. Мама показала мои опусы журналисту одной газеты, тому понравилось, и он обещал дать их почитать известному писателю, не буду называть имени. Так вот, забрал добрый человек мои вирши – и ни ответа, ни привета. А месяца через два мама – она, как я уже говорила, была библиотекарем – просматривала периодику и увидела два моих стихотворения в одной из региональных газет. Только вот подписаны они были почему-то чужим именем.

А.К. Что тут скажешь... Печальный опыт тоже опыт. Он полезен прежде всего для прозаика. Когда я читал твои рассказы и романы (правда, пока в рукописях), мне показалось странным, что рассказы у тебя написаны в реалистической манере, а романы – с мистическим уклоном. Ты поднимаешь в романах темы бесовщины, демонизма, пишешь о параллельных мирах. Увлекаешься фантастикой?

А.Г. Это ведь смотря что считать мистикой и фантастикой. Сама-то я думаю, что у меня романы вполне реалистичные. Если, конечно, считать реализмом то, что может случиться с человеком в жизни. Да, с героями происходят странные вещи, они оказываются в центре невероятных событий. Но кто сказал, что этого не может случиться с каждым? Как говорит героиня моего романа «Наследница», человек не видит воздуха, но это не означает, что его не существует! Меня потрясли слова одного теолога. Он написал, что самое большое достижение Сатаны в наши дни – это то, что он заставил нас забыть о своём существовании. Мы не верим в него и не пытаемся противостоять ему, потому что стоит ли бороться с тем, чего нет? А он спокойно делает своё дело...

То, о чём я пишу в романах, научно пока не доказано. Но, однако, и не опровергнуто. Более того, есть многочисленные свидетельства, что всевозможные необъяснимые вещи время от времени случаются с самыми обычными людьми. И, наконец, кто знает, какой мир реальнее: тот, в котором мы живём сейчас, или параллельный, потусторонний, запредельный? В своих рукописях я хочу сказать: нужно ценить саму жизнь и жить так, чтобы тёмные силы не проникли в душу, не нарушили мир и гармонию. Пафосно звучит: нравственный выбор... но если вдуматься, мы оказываемся перед таким выбором ежедневно, попадая в ситуации, когда требуется принять решение. И от каждого шага, каждого поступка, порою даже слова может зависеть судьба. Не только личная, но и окружающих тебя людей.

А.К. Как бы ты сама определила, в чём сильная сторона твоего творчества? И чего в нём не хватает?

А.Г. Самой такие вещи крайне трудно выявить! Читателям виднее, они и похвалят, и покритикуют. Трудно пытаться взглянуть на свои книги отстранённо... Лучше скажу, какими мне хотелось бы их видеть. Я не претендую на создание высокоинтеллектуальной прозы, доступной и понятной лишь избранным. Считаю, что пишу для широкой аудитории. Всегда мечтала создавать захватывающие романы, которые не вгонят читателя в спячку, взбудоражат сознание, заставят размышлять и сопереживать. Пусть бы «цепляли» мёртвой хваткой, чтобы человеку хотелось читать и читать, не откладывая книгу. Не знаю, удалось ли мне это. Пишу я быстро, как говорится, на одном дыхании. И в этой скорости, наверное, кроется моя слабая сторона: часто не хватает детализации, более тщательной обрисовки своих героев, ситуаций, ещё по-настоящему не проснулся во мне мой внутренний редактор...

А.К. По-моему, ты наговариваешь на себя. Знаешь, чем отличается писатель-прозаик от балерины?

А.Г. Нет.

А.К. Балерина к 35-ти годам заканчивает свою карьеру, а прозаик только начинает. Так что, ты в самом начале творческого пути. И пусть он у тебя будет долгим и плодотворным.

А.Г. Спасибо, Андрей!

*Расспрашивал
Андрей Казанский*

